
Мона Мур
Персональный тренер:
будет жарко

Мона Мур
Персональный тренер

https://litres.ru/74800874

Аннотация

«Ты - бревно, Аня! Во мне бурлит стихия, а ты душишь мои чакры!» - бросил муж, утащив мой блендер за тридцать тысяч к инста-гурии «дышать маткой».

В тот же день новый генеральный - ледяной миллиардер Максим Северский при всем совете директоров обозвал меня картофельным мешком и отправил на убой с безнадежным проектом.

Терять нечего. Я пошла в закрытый клуб «Апекс», где тренер с телом бога и татуировкой дракона взялся за мою чувственность:

«Не зажимайся, Аня. Это соматический массаж, - шепчет Влад, пока его руки скользят по бедрам. - Я научу тебя стонать и ходить так, что твой босс сам приползет на коленях».

Прошел месяц. Бывший в слезах таскает мешки на складе в Люберцах, отрабатывая миллионный долг по суду. А тот самый «неприступный» генеральный запирает дверь моего нового кабинета на ключ:

«На ковер, госпожа вице-президент. И только попробуй сказать, что ты устала».

Огненное преображение забитой «мышки» в роковую хищницу Властный босс, тренер-искуситель и очень чувственные

практики Разгром бывшего, острый юмор, море страсти и гарантированный ХЭ!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	24
Глава 3	34
Глава 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Пролог

- Дыши, Аня. Глубже. Не прячь звук в горле, ты сейчас взорвешься от собственного спазма.

Низкий, вибрирующий баритон Влада проникал куда-то под ребра, заставляя мелкие волоски на теле вставать дыбом. Воздух в индивидуальном зале закрытого клуба «Апекс» был плотным, теплым и пах так, будто в нем смешали эссенцию дикого сандала, стручковую ваниль, озон и концентрированное, абсолютно бесстыдное безумие.

Я лежала на широком кожаном мате, уткнувшись пылающим лицом в мягкий валик, и судорожно сжимала пальцами край шелковой простыни. Из одежды на мне остались только крошечный топ на тонких бретелях и эластичные шорты - формальная преграда между остатками моего благоразумия и руками человека, чье телосложение могло вызвать инфаркт у античных скульпторов.

Горячие, твердые ладони тренера скользнули по внутренней стороне моего бедра. Медленно. С тем невыносимо плавным нажимом, от которого кровь в жилах мгновенно превращалась в кипящую патоку.

Там, куда уверенно поднимались его пальцы, даже законный супруг бывал исключительно по календарным праздникам, с предварительным уведомлением в трех экземплярах и под аккомпанемент унылого скрипа икеевского дивана.

- Ой… что вы делаете? - я вздрогнула, попытавшись рефлекторно свести колени, но сильные ладони Влада мягко, без тени сомнения зафиксировали мои ноги, разводя их еще на пару сантиметров шире.

- Расслабься, Аня. Ничего не бойся. Это глубокая соматическая коррекция, - его дыхание обожгло чувствительную кожу под коленом, отчего по спине прокатилась электрическая дуга. - Твое тело помнит слишком много обид. Мы вытащим их наружу через фасциальное освобождение. Просто доверься мне и получай удовольствие от процесса. Я подготовлю тебя к нашим тренировкам. Они будут довольно жесткими. Очень жесткими.

Его ладонь, пахнущая согревающим имбирем и корицей, поднялась выше, уверенно оглаживая бедро, и большой палец с легким, гипнотическим нажимом коснулся самой запретной, пульсирующей зоны у основания паховой складки.

Внутри взорвалась сверхновая.

Я всхлипнула, выгибая поясницу, пальцы судорожно впились в кожаный мат, а из груди вырвался звук: полустон, полувсхлип, который я не слышала от себя ни разу за все двадцать восемь лет добропорядочной, застегнутой на все пуговицы жизни.

Господи. Как?

Как правильная, сдержанная Анна Сергеевна Копылова - ведущий аналитик инвестиционного холдинга с красным дипломом Финансовой академии, образцовая хозяйка и об-

ладательница пятилетнего стажа образцово-показательного брака - оказалась в таком положении? Распахнутая, дрожащая от всепоглощающего, первобытного жара под руками двухметрового красавца с татуировкой дракона на рельефной спине?

Чтобы осознать всю глубину этого головокружительного падения - или, наоборот, начала невероятного взлета, - нужно было отмотать пленку ровно на три недели назад. В ту самую кошмарную ночь, когда мой привычный, идеально выстроенный мир с оглушительным грохотом разлетелся на мелкие стеклянные осколки.

Три недели назад.

Скрип. Скрип. Скрип.

Звук старой диванной пружины ритмично отсчитывал секунды моего супружеского долга.

Игорь пыхтел сверху с упорством заглохшего трактора на пашне. На нем были его любимые серые носки с полиэстеровым начесом (потому что «ноги стынут от сквозняка из форточки, Аня, а переохлаждение блокирует циркуляцию восходящих потоков»). Лицо мужа в тусклом свете ночника выражало такое мучительное напряжение, будто он в одиночку толкал груженый железнодорожный вагон в гору.

Я послушно лежала на спине, боясь пошевелиться, чтобы не сбить его с хрупкого ритма и гипнотизировала взглядом люстру.

На матовом плафоне сидела засохшая мушка. Надо бы протереть в субботу. И порошок для стирки на исходе, надо заказать доставку. И еще этот отчет по валютным рискам для нового генерального… формулу в тридцать второй графе надо бы перепроверить…

- Ох… да! Прими мою трансформацию! - утробно прорычал муж, судорожно дернулся в третий раз и с шумом рухнул мне на плечо, придушив запахом лукового омлета и дезодоранта из масс-маркета с кричащим названием «Дикая свежесть тайги».

Внутренний секундомер в моей голове безжалостно зафиксировал рекорд: три минуты сорок две секунды. Включая прелюдию в виде неловкого щипка за бок и десятисекундного поиска нужной траектории.

Я тяжело вздохнула, осторожно погладила мужа по взмокшей спине:

- Молодец, Игореша. Ты устал. Спи…

Игорь резко приподнялся на локтях. В полумраке спальни его глаза блестели странным, фанатичным огнем. Он не спеша слез с меня, натянул застиранные спортивные штаны с отвисшими коленями и сел на край кровати, демонстративно сложив руки на груди.

- Нет, Аня. Я не устал. Я опустошен.

- Воды принести с лимоном? - машинально предложила я, подтягивая одеяло до самого подбородка.

- Мне не нужен твой лимон. Мне нужна жизнь! - он вско-

чил и принялся нервно мерить шагами небольшую спальню, театрально взмахивая руками. - Ты чувствуешь эту энергетическую яму между нами? Ты вообще хоть что-то чувствуешь своей чувственной сферой?! Я занимаюсь любовью не с женщиной, я совокупляюсь со штатным расписанием и квартальным балансом! Ты же бревно, Аня! Абсолютное, неоструганное, глухое бревно из сибирской лиственницы!

Я замерла. В груди будто провернулся тупой ржавый нож. Воздух застрял в горле.

- Что?..

- То! Ни звука, ни движения, ни сакрального отклика! Ты просто лежишь и ждешь, пока я закончу, чтобы пойти перемыть сковородки!

Игорь картинно схватился за сердце, закатив глаза к потолку.

- А во мне бурлит первобытный океан! Мой внутренний мужчина задыхается в твоих низких вибрациях! Я достоин жрицы, пламени, дикой энергии первозданного хаоса, а не заросшего тиной бухгалтерского пруда!

- Игорь, мы пять лет вместе… Я оплачивала твои семинары по личностному росту, я тянула ипотеку…

- И пять лет я хоронил свой божественный потенциал! - перебил он, с грохотом выдвигая из-под кровати новенький чемодан на колесиках. - Я ухожу, Аня. К Снежане. Она сертифицированный мастер динамических медитаций и энергопрактик. Когда мы соединяемся с ней в астрале, в комнате

трещат розетки от статического напряжения! Она видит во мне льва, а не исполнителя коммунальных платежей!

Он распахнул шкаф и начал деловито сгребать с вешалок свои рубашки, выглаженные мной накануне.

- И не пытайся манипулировать мной слезами. Я забираю капсульную кофемашину и блендер для смузи высокой мощности. Ты ими все равно пользуешься без духовного намерения, а Снежане они жизненно необходимы для детокс-программ. А ты… оставайся со своими экселевскими таблицами. Может, хоть калькулятор тебя ночью согреет. Мой юрист свяжется с тобой по поводу раздела остального имущества.

Дверь хлопнула. Щелкнул английский замок.

В прихожей повисла гулкая, могильная тишина.

Я осталась сидеть на продавленном матрасе среди разбросанных пустых плечиков. Раздетая. Униженная. Размятая, как кусок дешевого пластилина, и выброшенная на помойку с ярлыком «бревно», приколоченным к моему лбу намертво.

Тогда, в ту страшную ночь, сотрясаясь от беззвучных слез в пустой квартире, я еще не знала, что наступившее утро принесет мне встречу с моим персональным офисным инквизитором в лице Ильи Северского.

Не знала, что через три недели буду лежать в закрытом элитном клубе, задыхаясь от сладкой муки под руками мужчины, который заставит эту «сибирскую лиственницу» полыхнуть так, что зарево будет видно на другом конце города.

И уж точно не подозревала, что очень скоро я сама начну

диктовать правила этому миру: и в темных залах заседаний совета директоров, и на шелковых простынях самых дорогих отелей.

Но обо всем по порядку.

Глава 1

Утро после бегства великого укротителя космических энергий встретило меня серым, промозглым октябрьским рассветом, который сочился сквозь жалюзи с унылой настойчивостью больничного освещения.

На кухне царил траур по унесенной технике. Сиротливое светлое пятно на столешнице, где еще вчера красовалась итальянская капсульная кофемашина, купленная на мою годовую премию, жгло глаза почище серной кислоты. Рядом зияла пустота на месте блендера высокой мощности. Игорь подошел к вопросу установления границ с педантичностью мелкого лавочника: он уволок даже переходник для розетки и банку с органическими семенами чиа, которые сам же на дух не переносил.

- Ничего, Анечка, - бубнила я себе под нос, насыпая в ковшик овсянку мелкого помола. – Главное, сохранять внутренний баланс и не опускаться до рефлексий. Мужчины приходят и уходят, а карьера - это фундамент.

Овсянка на воде без сахара пригорела ровно через сорок секунд после того, как я отвлеклась на телефон.

На экране висело уведомление от корпоративной почты:

«Напоминание: Стратегический комитет холдинга «Северский Групп» состоится сегодня в 09:30. Повестка: утверждение структуры рисков и назначение руководителя де-

партамента аналитики. Явка строго обязательна».

Сердце пропустило короткий, нервный удар. Это был мой шанс. Три года безупречной службы на позиции старшего аналитика, сотни бессонных ночей, перелопаченные массивы данных. Прежнее руководство трижды обещало мне кресло директора департамента, но каждый раз находились более «представительные» кандидаты мужского пола, которым нужнее была представительская надбавка к окладу.

Фамилия на фасаде башни никого не должна была вводить в заблуждение: холдинг «Северский Групп» тридцать лет назад основал его отец, железный патриарх Александр Северский. Но после череды внутренних кризисов, разгула вороватых топ-менеджеров старой формации и внезапного отхода отца от дел совет директоров был вынужден пойти на поклон к его сыну. И три месяца назад совет директоров выписал из европейского дивизиона Илью Александровича Северского, где он уже построил собственный независимый инвестфонд и наделили диктаторскими полномочиями кризис-менеджера с правом вычистить фамильный бизнес от балласта до самого основания. В кулуарах у него была репутация гениального кризис-менеджера и повадки римского патриция.

Если мои расчеты безупречны, а они были безупречны, я перепроверила их четыре раза, то кресло вице-президента по аналитике будет моим.

- Спокойно. Собираемся, - приказала я своему отражению

в зеркале прихожей.

Из зеркала на меня смотрела типичная «хорошая девочка», выросшая в удобную женщину. Темно-каштановые волосы, густые от природы, были туго скручены на затылке в унылый узел и зафиксированы пластиковым крабиком черепаховой расцветки. Глаза спрятаны за массивными очками в роговой оправе - диоптрии там были крошечные, минус ноль семьдесят пять, но в очках я казалась себе солиднее и строже.

Гардероб не оставлял сомнений в моем социальном статусе: бежевый безразмерный кардиган крупной вязки (подарок свекрови на позапрошлый Новый год), юбка-трапеция из плотной серой шерсти длиной ровно до середины икры и удобные кожаные ботильоны на устойчивом четырехсантиметровом каблуке.

«Зато практично и не отвлекает коллег от рабочих процессов», - услужливо подсказал внутренний голос, воспитанный на наставлениях мамы и пятилетнем браке с Игорем.

В этот момент тонкие капроновые колготки плотностью сорок ден с сухим треском пустили стрелку от самой щиколотки вверх по икре.

- Черт! - я зашипела, взглянув на часы. Восемь сорок. Запасной пары не было. Пришлось спешно замазывать дыру прозрачным лаком для ногтей и натягивать юбку еще ниже.

Когда я выскочила из подъезда, небесная канцелярия решила внести свой вклад в утренний триумф разума над ма-

терией: на столицу обрушился косой, ледяной ливень вперемешку со снегом. Ветер мгновенно вывернул мой складной зонт спицами наружу, превратив его в мокрый тюльпан.

Приложение такси встретило меня радостным сообщением: *«Повышенный спрос. Время ожидания - 28 минут. Стоимость поездки: 4 200 рублей»*.

Пришлось бежать к метро.

В переполненном вагоне на перегоне между «Баррикадной» и «Кузнецким Мостом» меня плотно впечатали в угол между дверью и массивным гражданином в мокром овчинном тулупе, источавшем густой аромат застарелого табака и мокрой шерсти. На выходе из станции чья-то мокрая кожаная сумка оставила на подоле моей шерстяной юбки смачный грязно-серый след, а встречный порыв ветра окончательно выбил остатки укладки из-под крабика, разметав влажные пряди по мокрым щекам.

***

В зеркальный холл башни «Северский Плаза» я влетела в 09:27.

В полированных гранитных плитах пола отражалось жалкое зрелище: мокрая мышь в разбухшем кардигане, с перекошенными очками, потекшей тушью под левым глазом и грязным пятном на подоле.

- Анна Сергеевна, боже мой! - прошипела Лидочка, секретарь приемной на сороковом этаже, когда я выскочила из скоростного лифта. Ее идеально уложенные локоны и без-

упречный нюдовый макияж выглядели как насмешка над законами природы. - Он уже там. С девяти ноль-ноль. Вызвал весь состав директоров. И требует вашу папку по оценке волатильности.

- Я успела, еще три минуты… - задыхаясь, проговорила я, прижимая к груди пухлую синюю папку.

- Для Северского девять двадцать семь - это опоздание на двадцать семь минут, - округлила подведенные глаза Лидочка и с сочувствием понизила голос: - Он сегодня злой, как цепной пес. Уволил замначальника IT-департамента прямо в лифте за то, что тот не смог назвать точный объем серверов резервного копирования. Иди. И да пребудет с тобой Трудовой кодекс.

Я глубоко вдохнула ледяной кондиционированный воздух приемной, вытерла салфеткой потекшую тушь под глазом, поправила перекосившийся крабик и толкнула тяжелую дубовую дверь главного зала заседаний.

***

В зале царила атмосфера полевого суда времен Первой мировой войны.

Двенадцать топ-менеджеров холдинга - солидные мужчины в костюмах ценой в мой годовой оклад - сидели вдоль овального стола из мореного дуба, боясь лишний раз пошевелиться или громко вздохнуть. На огромном плазменном экране застыла круговая диаграмма финансовых потоков, а в воздухе отчетливо пахло крепким эспрессо, дорогим кед-

ровым одеколоном и животным ужасом.

Во главе стола сидел Илья Александрович Северский.

Ему было тридцать три года, но в деловом мире его имя произносили с тем же выражением лица, с каким моряки древности говорили о кракене.

Северский был дьявольски, возмутительно хорош собой той опасной, породистой красотой, которая вызывает у женщин одновременно трепет и желание немедленно застегнуть все пуговицы до подбородка. Безупречный темно-серый костюм-тройка от лондонских портных сидел на его широких плечах с хирургической точностью. Белоснежная сорочка оттеняла легкий золотистый загар, а узел графитового шелкового галстука был затянут с маниакальной симметрией.

Тонкие, аристократические черты лица, волевой подбородок с едва заметной ямочкой и глаза - холодные, серые, цвета балтийского льда в штормовую погоду.

В длинных пальцах он медленно крутил тяжелую платиновую перьевую ручку «Montblanc». Мерный, едва слышный щелчок колпачка действовал на присутствующих сильнее, чем тиканье часового механизма бомбы.

Когда дверь за моей спиной закрылась, Северский неторопливо поднял взгляд.

Его глаза скользнули по моим промокшим насквозь ботильонам, задержались на грязном разводе на шерстяной юбке, окинули разбухший от влаги бежевый кардиган и замерли на моем лице. Ни тени эмоций. Лишь сухое внимание хирурга,

рассматривающего безнадежную патологию.

- Доброе утро, коллеги. Прошу прощения за задержку, на дорогах неблагоприятные погодные условия… - выдавила я, проходя к экрану и стараясь не хромать на ногу со стрелкой на колготках.

- Доброе утро, Анна Сергеевна, - произнес Северский.

Его голос был великолепен: глубокий, бархатистый баритон с легкой хрипотцой, поставленный лучшими европейскими преподавателями риторики. Но от холода, сквозившего в этой вежливой интонации, у меня по спине пробежали настоящие мурашки.

- Мы как раз обсуждали неблагоприятные условия. Например, то, почему старший аналитик компании путает время начала стратегического комитета с графиком приема макулатуры.

Финансовый директор нервно хихикнул в кулак, но тут же осекся под ледяным прищуром босса.

- Я готова представить отчет по модели Бауэра, Илья Александрович, - я подошла к столу и положила перед ним синюю папку. - Все коэффициенты пересчитаны с учетом кросс-курсовых колебаний за последние три года.

Северский даже не коснулся папки. Он отложил ручку, сплел пальцы в замок и оперся на них подбородком, глядя на меня в упор:

- Ваш отчет, Анна Сергеевна, я изучил сегодня в шесть тридцать утра. И у меня возник фундаментальный вопрос к

качеству вашего профессионального мышления.

Я нахмурилась:

- В расчетах нет ошибок. Я лично перепроверяла базы данных…

- Страница сорок два, - отрезал он, и бархат в его голосе сменился сухим металлом. - Графа сопоставления валютных рисков по южному логистическому хабу. Откуда взялась погрешность в ноль целых четыре сотых процента?

- Это допустимая статистическая девиация округления, заложенная в стандартный макрос, - уверенно парировала я. - Она нивелируется при долгосрочном хеджировании через фьючерсные контракты. Эта модель утверждена советом директоров еще два года назад!

Северский медленно покачал головой:

- Допустимая девиация - это эвфемизм для профессиональной лени, Анна. На объеме оборота южного терминала эти четыре сотых процента составляют сорок восемь миллионов рублей чистых, некомпенсированных убытков. Вы предлагаете акционерам закрыть глаза на дыру в полсотни миллионов только потому, что вам было лень переписать макрос вручную и убрать устаревший алгоритм прежнего руководства?

В зале повисла тяжелая, гулкая тишина. Двенадцать директоров дружно опустили глаза в свои планшеты.

- Прежнее руководство требовало строгого следования утвержденному регламенту! - мой голос предательски дрог-

нул от нахлынувшей обиды. - Я не имела полномочий менять базовые формулы без санкции профильного комитета!

Северский медленно поднялся со своего кресла.

Его рост был под метр девяносто, и сейчас он возвышался надо мной, подавляя своей несокрушимой, хищной уверенностью. От него исходил тонкий аромат горького бергамота, кедра и абсолютной, безжалостной власти.

- Прежнее руководство сейчас наслаждается рыбалкой на пенсии за счет проваленных инвестиций, - негромко, но так, что каждое слово впечатывалось в стены, произнес он. - А я руковожу компанией, которая выходит на международные рынки. И мне нужны лидеры, способные брать на себя ответственность за каждую цифру, а не безынициативные клерки, прячущиеся за чужими инструкциями и являющиеся на совет директоров в виде мокрого картофельного мешка.

Кровь бросилась мне в лицо с такой силой, что заломило виски. Очки мгновенно запотели от выступившего жара. «Картофельный мешок». После трех лет круглосуточной пахоты. После того как муж ночью назвал меня бревном и вывез блендер.

Я впилась ногтями в ладони под рукавами кардигана, сдерживая рвущиеся наружу слезы ярости.

- В связи с этим, - продолжил Северский, бросая передо мной на стол тяжелую папку с пугающей алой наклейкой «Кризис / Особый контроль», - вопрос о назначении руководителя департамента аналитики снимается с повестки дня.

Должность остается вакантной. А вы, Анна Сергеевна, получаете индивидуальное задание.

Он постучал пальцем по алой наклейке:

- Проект «Южный логистический узел». Полный аудит цепочек поставок. Там черная дыра: три внешние проверки не смогли найти, куда исчезает маржа от перевалки зерна. Срок - две недели. Вскроете схемы и предоставите рабочий антикризисный план - вернемся к разговору о вашем карьерном росте. Не справитесь…

Он сделал выразительную паузу, смерив меня уничтожающим взглядом с головы до носков ботильонов:

- Напишете заявление по собственному желанию. Мне балласт в штате не нужен. Вопросы есть?

Я стояла прямо, чувствуя, как внутри, под слоями многолетней покорности, поднимается слепая, раскаленная волна дикого упрямства.

- Вопросов нет, Илья Александрович, - четко, звонко отчеканила я, глядя прямо в его ледяные серые зрачки. - Разрешите выполнять?

В глазах Северского на долю секунды мелькнуло мимолетное удивление - видимо, он ожидал слез или оправданий, - но тут же сменилось привычной стальной броней.

- Выполняйте. И приведите себя в порядок, Анна. На вас физически больно смотреть.

***

Дамская комната на этаже топ-менеджмента была отдела-

на черным полированным мрамором и пахла грейпфрутом и лемонграссом.

Я заперлась в дальней кабинке, опустила крышку унитаза и просто села, закрыв лицо руками. Тело колотило мелкой, противной дрожью.

«Бревно». «Картофельный мешок». «Безынициативный клерк».

Все мои двадцать восемь лет жизни пронеслись перед глазами, как унылая черно-белая хроника: отличница в школе, прилежная студентка в институте, верная, всепрощающая жена для эгоцентричного паразита, образцовая сотрудница, на которую сваливали самую неблагодарную работу. Я всю жизнь пыталась заслужить любовь и одобрение примерным поведением.

И к чему это привело? Муж ушел к накачанной девице с надутыми губами, забрав бытовую технику, а начальник публично вытер обо меня ноги перед дюжиной мужиков.

Я встала, подошла к раковине и включила ледяную воду.

Плеснула в лицо раз, другой. Смыла потекшую тушь, вытерла капли бумажным полотенцем и посмотрела прямо в зеркало.

- Хватит, - прошептала я. Голос прозвучал хрипло, незнакомо, с резкими металлическими нотками.

Я решительно сняла с волос дурацкий пластиковый крабик и с размаху швырнула его в мусорную корзину. Густые каштановые пряди тяжелой, влажной волной рассыпались

по плечам. Я сняла очки, сощурилась, провела пальцами по мокрым губам. Лицо без очков и старческого пучка оказалось тонким, породистым, с высокими скулами и красивым разлетом темных бровей.

Картофельный мешок, говоришь, Северский?

Хорошо. Мы еще посмотрим, кто кого заставит писать заявления.

Телефон в кармане кардигана завибрировал.

Сообщение от Кати - моей школьной подруги, владелицы арт-галереи и женщины с полным отсутствием тормозов:

«Анька, привет! Твой просветленный йог выложил сторис, где он пьет сельдерей из ТВОЕГО блендера и рассуждает о карме нищебродства! Я в бешенстве! Вино куплено, сыр нарезан. Вечером едем в одно закрытое место, отказы не принимаются. Будем выжигать из тебя синдром отличницы каленым железом. Целую!»

Я криво усмехнулась, подобрала со столешницы алую папку с гиблым проектом «Южный узел» и толкнула дверь дамской комнаты.

Старая Анна Копылова только что скончалась от переохлаждения и избытка хороших манер. На сцену выходила совсем другая женщина.

Глава 2

Рабочий день после утренней казни на совете директоров тянулся с грацией асфальтоукладчика, застрявшего в свежем бетоне.

В офисе «Северский Групп» новости распространялись быстрее, чем слухи о повышении ключевой ставки Центробанка. К обеду каждый клерк от курьера до финансового директора знал: старшего аналитика Копылову публично размазали по дубовому паркету, обозвали мокрой ветошью и сослали на проект «Южный логистический узел» - корпоративный аналог урановых рудников, где за последний год сгорело трое маститых аудиторов из «большой четверки».

Коллеги сочувственно косились на меня у кофе-пойнта, но держали дистанцию минимум в два метра, видимо, опасаясь заразиться профессиональной опалой. Только начальник транспортного отдела, скользкий тип с масляными глазками, проходя мимо, сочувственно хмыкнул:

- Держись, Анечка. Если что, у меня в отделе есть ставка диспетчера на полставки. Там думать не надо, только путевые листы штампуй.

- Спасибо, Петр Иванович, - холодно оскалилась я, вбивая очередную связку формул в массив данных. - Оставьте эту вакансию для своего племянника. Ему как раз по уровню интеллектуального развития подойдет.

К семи вечера глаза слезились от графиков, поясница ныла, но в голове сложилась первая пугающая картина: южный филиал не просто терял маржу - там работала отточенная до блеска схема параллельного импорта и фиктивного фрахта, прикрытая фальшивыми актами списания. И прежнее руководство не могло об этом не знать.

Захлопнув ноутбук и спрятав зашифрованную флешку на дно сумки, я вызвала такси и поехала домой.

***

Моя типовая двухкомнатная квартира на Шаболовке встретила меня гулкой пустотой и въедливым запахом сушеной полыни.

Перед тем как гордо хлопнуть дверью, мой бывший супруг провел ритуал «изгнания низковибрационных сущностей», то есть просто сжег пучок травы прямо в керамической пепельнице на обувной тумбочке, закоптив обои и оставив на паркете серый пепел. Лучше бы мусорный пакет за собой прихватил, созидатель хренов.

Не успела я стянуть мокрые ботильоны, как в дверь забарабанили с такой яростной экспрессией, словно на лестничной клетке высадился десант налоговой инспекции.

- Открывай, полиция нравов и скорая психологическая помощь! - раздался из-за двери звонкий командный голос Катьки.

Я повернула защелку. Подруга ввалилась в прихожую как тропический шторм: в распахнутом алом пальто из стриже-

ной шерсти, на шпильках, с огромным крафтовым пакетом из премиального гастронома в одной руке и двумя увесистыми бутылками темного сицилийского вина в другой.

- Так, сопли подобрать, плечи расправить, враги смотрят в бинокли! - скомандовала она, чмокнув меня в холодную щеку и тут же сморщив идеальный носик. - Фу, чем тут воняет? Твой святоша перед катапультированием вызывал дух нищеты прямо в коридоре?

- Полынь, - вздохнула я, закрывая замок. - Чистил пространство от бытового негатива.

- Лучше бы он свой вялый половой орган вычистил из твоей жизни пять лет назад, мы бы сэкономили кучу времени и нервных клеток, - фыркнула Катя, скидывая пальто и решительно маршируя на кухню. - Разувайся, сбрасывай этот саван скорби и марш за стол. Сегодня мы проводим комплексную детоксикацию твоей искалеченной женской сути. Проверенными методами: углеводами, танинами и циничными мужскими сплетнями.

Через десять минут кухонный стол напоминал натюрморт гедониста: тарелка с выдержанным пармезаном и горгонзолой, тончайшие лепестки хамона, оливки размером со сливу, свежая фокачча с розмарином и два тяжелых хрустальных бокала, до краев наполненных густым, рубиновым вином.

Катя сделала солидный глоток, с наслаждением прикрыла глаза, а затем уставилась на меня своим фирменным рентгеновским взглядом:

- Ну, давай. Выкладывай все. Без цензуры и бухгалтерских терминов.

Я отпила терпкое, плотное вино. Тепло мгновенно обожгло горло, смывая ком обиды, стоявший там с самого утра.

- Он назвал меня бревном, Кать. Буквально. «Неоструганная сибирская лиственница». Сказал, что я убиваю его мужскую суть кабачковыми оладьями, забрал блендер, кофемашину и ушел к своей Снежане, потому что у нее при соединении в астрале розетки искрят.

Катя поперхнулась оливкой, закашлялась, а затем зашлась таким гомерическим хохотом, что задрожали подвесные плафоны:

- Лиственница?! Этот трехминутный спринтер в шерстяных носках смеет рассуждать о древесине?! Аня, ты в своем уме?! Да у него самого в штанах не дерево, а увядший пучок укропа! Он же каждый раз после своего спринта смотрел на тебя с таким видом, будто выиграл золотую медаль на Олимпиаде, хотя просто финишировал раньше, чем ты успела понять, что забег вообще начался!

- Но он ушел к Снежане, - тихо возразила я, глядя в бокал. - У нее пресс, губы и сто тысяч подписчиков в соцсетях. А у меня - синяки под глазами и проект-убийца на работе.

- А еще у тебя есть мозги, третий размер груди и ноги от ушей, которые ты усердно упаковываешь в юбки фасона «завуч на пенсии»! - отрезала подруга. - И кстати, что там с твоим новым цербером? Ты говорила, он обещал тебя закопать.

- Илья Александрович Северский, - с ядом протянула я. - Самовлюбленный павлин с гарвардским апломбом. Отчитал меня перед всеми за четыре сотых процента в формуле, обозвал картофельным мешком и сослал на аудит южного хаба. Если не раскрою схемы за две недели - уволит по статье за несоответствие или заставит писать по собственному.

Катя прищурилась, сделала еще один глоток и медленно покачала головой:

- Картофельный мешок… Знаешь, Анька, твой босс, конечно, редкостный мерзавец, но в одном он абсолютно прав. Ты превратила себя в невидимку. Ты пять лет обслуживала комплексы своего недоделанного гуру, пахала в офисе за троих бездарей и напрочь забыла, каково это - когда мужчина смотрит на тебя и забывает, как дышать.

В этот момент мой телефон на столе завибрировал.

На экране высветилось сообщение от контакта, который еще утром именовался «Муж (Игорь)»:

«Анна, добрый вечер. Направляю официальный реестр неделимого имущества, подлежащего денежной компенсации в рамках досудебного урегулирования:

1. Капсульная кофемашина DeLonghi (уже вывезена в счет морального вреда).

2. Блендер для смузи мощностью 1200 Вт (уже вывезен).

3. Мультиварка-скороварка Tefal с функцией су-вид (заберу в субботу).

4. Набор тефлоновых сковород (3 шт.) - так как поку-

пались на совместные средства, требую компенсацию 50% чека или передачу двух сковород мне.

5. Робот-пылесос марки "RoboClean" (он синхронизирован с моей энергетикой, не травмируй технику перепрошивкой).

6. Право администрирования семейной подписки на Яндекс.Плюс.

Прошу подтвердить готовность передачи до пятницы. В противном случае мой адвокат подает иск о выделе супружеской доли в квартире на основании произведенных мной неотделимых улучшений интерьера (поклейка флизелиновых обоев). Игорь».

Мы с Катей переглянулись.

Секунда звенящей тишины и кухню разорвал дикий, истерический визг подруги. Она хохотала так, что сползла со стула, утирая потекшую тушь:

- Робот-пылесос синхронизирован с его энергетикой?! Он что, с ним спал в обнимку?! А обои? Неотделимые улучшения на девять миллионов рублей за три рулона со скидкой из «Леруа Мерлен»?! Аня, скажи, что это пранк!

Но внутри меня вместо смеха поднялась холодная, плотная, ослепительная ярость. Пять лет. Пять лет я закрывала глаза на его лень, покупала ему брендовую льняную одежду для «семинаров», оплачивала коммуналку, готовила диетические ужины… И в финале этот слизняк требует две сковородки из трех и угрожает отсудить квартиру, купленную моими родителями до брака.

- Ну все, - процедила я, с размаху опустив бокал на столешницу так, что ножка жалобно скрипнула. - Лимит христианского всепрощения исчерпан.

- Вот это я понимаю! - просияла Катя, вскакивая на ноги и хватая меня за запястье. - Пошли. Пора провести полную санитарную обработку твоей прошлой жизни.

***

Следующий час превратился в публичную казнь моего гардероба.

Катя действовала с безжалостностью средневекового инквизитора.

Бежевый кардиган крупной вязки первым полетел в черный мусорный мешок со словами: «В этом можно только пугать ворон на колхозном поле». За ним последовали три серые шерстяные юбки («стерилизуют мужское либидо на расстоянии ста метров»), блузки пастельных тонов с закрытыми воротничками («стиль «учительница пения перед расстрелом») и хлопковые трусы-парашюты телесного цвета.

- Аня, если бы я знала, что ты носишь ЭТО под юбкой, я бы сама от тебя ушла на второй год знакомства! - возмущалась Катя, швыряя белье в мешок. - Женщина, которая носит бежевые панталоны, подсознательно соглашается на то, чтобы ее мнение в совете директоров стоило ноль целых четыре сотых процента!

На дальней вешалке сиротливо висело единственное черное шелковое платье-комбинация на тонких бретелях с от-

крытой спиной - подарок Кати на мой позапрошлый день рождения, который Игорь обозвал «вульгарным нарядом падшей женщины» и запретил даже доставать из чехла.

Катя извлекла его, как священный Грааль:

- Вот. Оно ждет своего часа. Ты наденешь его, когда мы пойдем праздновать твой развод и твое назначение. А пока…

Она подошла к своей сумочке, порылась в недрах брендовой кожи и с торжествующим видом извлекла тяжелую пластиковую карту матового черного цвета с тисненым золотым логотипом в виде стилизованной пантеры.

- Что это? - насторожилась я.

- Это, моя дорогая, твой персональный телепорт из статуса жертвы в статус высшего хищника. Закрытый клуб «Апекс».

Я попятилась к комоду:

- Катя, ты с ума сошла? Я знаю этот клуб. Туда ходит вся верхушка списка «Forbes», министры и их фаворитки. Там годовой абонемент стоит как однокомнатная квартира в Новой Москве! У меня сейчас суд на носу, проект горит, я не могу…

- Заткнись и слушай, - Катя подошла вплотную, схватила меня за плечи и заглянула прямо в глаза. - «Апекс» - это не тупая качалка с гантелями. Это закрытый центр телесной и соматической трансформации. Там работают лучшие специалисты по кинезиологии, нейромышечной разблокиров-

ке и высвобождению сексуальной энергии. Они вытаскивают женщин из депрессий, разводов и профессионального выгорания через глубинную работу с телом.

Она силой вложила карту в мою ладонь:

- Я выбила для тебя персональный вип-курс у их главного мастера. Его зовут Влад. Он бог. Он собирает растоптанных женщин по кусочкам. Он заставит тебя вспомнить, что ты не калькулятор на ножках, а чертовски опасная, желанная женщина, от одного взгляда которой у мужчин пересыхает в горле.

- Но я… я не умею! Я зажата, у меня спина колом стоит от стресса, я даже дышу через раз! - в панике забормотала я.

- Вот он и научит тебя дышать. Завтра. В восемь утра. Перед работой, - безапелляционно отрезала Катя.

- В восемь утра?! Перед встречей с Северским?!

- Именно! Чтобы ты вошла в его стеклянный аквариум не с виноватой мордой нашкодившего котенка, а с осанкой королевы, которая знает тайны мироздания. Ты хотела доказать этому самовлюбленному павлину, что ты лидер? Начни с того, чтобы подчинить себе собственное тело.

Я посмотрела на черную карту в своих пальцах. Золотая пантера тускло мерцала в свете кухонной лампы.

Перед глазами снова всплыло надменное лицо Игоря, требующего сковородки. Ледяной насмешливый прищур серых глаз Ильи Северского, отправляющего меня на заклание с проектом «Южный узел».

Хватит. Время хорошей девочки вышло.

Если для того, чтобы победить в этой войне, мне нужно пройти через адские телесные практики загадочного гуру - я пройду. И пусть они все подавятся своими проекциями.

- Завтра в восемь? - тихо, но твердо спросила я.

Катя победно оскалилась и подняла бокал:

- Завтра в восемь, детка. Добро пожаловать на тропу войны.

Глава 3

В семь тридцать утра клуб «Апекс» на Пречистенской набережной выглядел не как спортивное заведение, а как секретный храм закрытого ордена гедонистов или посольство параллельной, неприлично богатой вселенной.

Никакого запаха въевшегося мужского пота, грохота чугунных блинов от штанги и задорно орущей из динамиков танцевальной попсы. Здесь царила полутемная, медитативная тишина, прерываемая лишь мягким плеском трехметрового водопада из полированного черного сланца в центре холла. Воздух был кристально чистым, влажным и пах сандалом, свежесрезанным эвкалиптом и теми неуловимыми феромонами, которые выделяют люди с семизначными остатками на швейцарских счетах.

За стойкой рецепции из цельного куска белого каррарского мрамора сидели две девушки с выправкой прим Мариинского театра и лицами, не знавшими гравитации.

Я переступила порог, судорожно прижимая к бедру тканевый шоппер с ироничной надписью «Спаси мох - основу биосферы».

На фоне проходящих мимо резиденток - бронзовых, длинноногих амазонок в неоновых комплектах из матового шелка, которые даже на утренний стретчинг выходили с легкой небрежной укладкой за двадцать тысяч рублей - я чув-

ствовала себя пингвином, случайно заблудившимся на показе «Victoria's Secret».

Из всего моего разгромленного Катькой гардероба чистку пережили только старые хлопковые шорты темного цвета и простая серая майка-борцовка.

- Анна Сергеевна? Добро пожаловать, - пропела администратор, едва коснувшись моей черной карты сенсором. На ее безупречном лице не дрогнул ни один мускул при виде моих кед. - Индивидуальная студия номер четыре на третьем уровне. Мастер Владислав уже ожидает вас. Пожалуйста, оставьте обувь в индивидуальном боксе перед входом в зону практик.

Лифт с мягким шелестом поднял меня на третий этаж. Пол под босыми ногами оказался из натурального массивного тика: теплого, бархатистого, чуть шершавого.

Дверь четвертой студии из дымчатого триплекса была приоткрыта.

Я робко заглянула внутрь, чувствуя, как предательский холодок страха снова начинает подбираться к желудку. «Аня, тебе двадцать восемь лет, ты защищала макроэкономические модели перед советом директоров, что тебе сделает какой-то фитнес-тренер?» - попыталась воззвать я к разуму, но внутренний голос в ответ лишь панически пискнул.

Зал утопал в густом, янтарном полумраке, льющемся от скрытых напольных светильников. Никаких тренажеров с тросами и рычагами. Только широкие низкие маты из мато-

вой черной кожи, подвесные шелковые полотна цвета индиго под высоким четырехметровым потолком, деревянные валики и огромное, во всю стену, зеркало без единой рамы.

Посреди комнаты спиной ко мне стоял мужчина.

И при взгляде на эту спину все экономические теории в моей голове дружно самоликвидировались.

Рост под метр девяносто. Чудовищно широкий размах плеч, переходящий в мощные клиновидные мышцы спины, которые сужались к узкой талии и бедрам, обтянутым свободными черными брюками для восточных единоборств из струящегося шелка. По смуглой, золотисто-бронзовой коже от правой лопатки через плечо к шее вилась сложная, хищная татуировка восточного дракона, выполненная тушью глубокого графитового оттенка. Мышцы под кожей перекатывались при малейшем движении с кошачьей, абсолютно бесшумной грацией.

Он не оборачиваясь, бросил через плечо:

- Опоздала на три с половиной минуты, Аня. Твой внутренний контролер сейчас требует расстрелять себя через повешение или просто выписать строгий выговор с занесением в трудовую книжку?

Я застыла на пороге.

Голос был потрясающим: низкий, обволакивающий, с густой грудной вибрацией, которая мгновенно отозвалась где-то в районе солнечного сплетения теплой волной.

Мужчина плавно развернулся.

Владиславу было около тридцати. Породистое, дерзкое лицо с хищным изгибом тонкого носа, легкая трехдневная щетина, идеально подчеркивающая четкую линию квадратной челюсти, и глаза - необыкновенного, янтарно-коньячного цвета с чертовским, насмешливым прищуром. На открытом мускулистом торсе рельефно проступали восемь кубиков пресса, разделенные глубокой вертикальной линией, на которой заманчиво блестела капелька влаги. На шее на простом кожаном шнурке висел полированный деревянный амулет.

- Здравствуйте, - я машинально попыталась одернуть край серой майки пониже, чувствуя, как под его открытым, сканирующим взглядом щеки начинает заливать краска. - Я… подруга подарила курс. Сказала, вы помогаете снять мышечный тонус после переутомления на работе.

Влад медленно пошел ко мне. Босиком, ступая мягко, как гепард по ковру. От него пахло горьким миндалем, мускусом, разогретым кедром и какой-то дикой, первобытной уверенностью, рядом с которой воздух казался разреженным. Я замерла.

Он остановился в полушаге от меня. Так близко, что я почувствовала кожей исходящий от его тела сухой, плотный жар.

- «Снять мышечный тонус»? - Влад усмехнулся одними уголками красиво очерченных губ. - Катя выразилась куда точнее. Она позвонила мне в полночь и сказала: «Влад, спа-

сай. Мою лучшую подругу пять лет держал в духовном карцере унылый эзотерический гриб, а вчера ее публично распял босс-социопат. Из нее нужно выбить дух святой великомученицы, пока она окончательно не срослась с калькулятором».

Я вспыхнула до корней волос, чувствуя, как внутри закипает возмущение:

- Катя склонна к неуместным драматическим преувеличениям! Я в полном порядке.

- Да неужели? - Влад плавно, не торопясь, обошел меня по кругу.

Я боясь сделать вдох. Его цепкий, профессиональный взгляд работал как высокоточный томограф: он не просто смотрел, он буквально сдирал с меня одежду, слой за слоем обнажая каждый скрытый зажим.

- Плечи подтянуты к ушам почти на два сантиметра - классический панцирь жертвы, ожидающей удара сверху, - комментировал он, кружа за моей спиной. - Шея втянута. Грудной отдел схлопнут внутрь, дыхание верхушечное, заблокированное на уровне ключиц. Таз подвернут вперед, ягодицы сжаты с такой маниакальной силой, будто ты пытаешься удержать ими золотой слиток высшей пробы при проверке на таможне. Ты не идешь по жизни, Аня. Ты мелкими перебежками пробираешься по минному полю в надежде, что тебя не заметят и не расстреляют на месте.

- Я ведущий финансовый аналитик, - огрызнулась я, чув-

ствуя, как от его безжалостных, точных формулировок глаза начинает предательски щипать. - Моя работа требует концентрации ума, а не верчения задницей перед зеркалом!

- Твой ум великолепен, детка, - Влад снова возник прямо передо мной, склонив голову набок. В его янтарных глазах не было снисходительности, там горел чистый, азартный интерес исследователя. - Но именно твой великолепный ум построил вокруг тебя бетонный бункер с бойницами. Твой мозг решил: если ты будешь тихой, серой, безупречной и безотказной, тебя никто не сможет ранить. А в результате твой бывший решил, что ты неодушевленный предмет мебели, а твой начальник публично вытирает об тебя свои дизайнерские оксфорды. Я не прав?

Каждое его слово било точно в десятку. Защищаться было нечем. В горле встал ком.

- И что вы предлагаете? - глухо спросила я, сжимая кулаки.

- Снести бункер к чертовой матери, - спокойно ответил Влад. - И выпустить на волю ту, кого ты там замуровала. На мат. Животом вниз.

- Без разминки на дорожке? Без кардио?

- Твое главное кардио сейчас бьется в горле от паники, - в его голосе прорезались низкие, властные нотки тренера, привыкшего подчинять тело своей воле. - Ложись, Аня. Хватит думать. Пора чувствовать.

Слово «боишься», повисшее в воздухе непроизнесенным

укором, подстегнуло меня сильнее любого приказа. Я сбросила шоппер на скамью, подошла к широкому мату из матовой черной кожи и неловко, одеревенев всем телом, опустилась на него, уткнувшись лицом в мягкий подголовник.

***

Шелест шагов позади. Щелчок дозатора. По залу поплыл густой, пряный, дурманящий аромат теплого сандала, дикого имбиря, корицы и горького апельсина.

- Дыши, - раздался голос Влада откуда-то сверху, словно рокот далекого грома. - Глубокий вдох носом, медленный выдох через чуть приоткрытый рот. Разомкни зубы. Когда челюсть зажата, спазмировано тазовое дно. Это прямая анатомическая дуга. Расслабь лицо.

Прежде чем я успела осмыслить связь между прикусом и тазом, его ладони опустились на мои плечи.

Они были обжигающе горячими. Казалось, к моей бледной, офисной коже прижали два разогретых вулканических камня. Влад с силой надавил большими пальцами на трапециевидные мышцы у основания шеи и я едва не взвыла от острой, простреливающей боли, ударившей прямо в затылок.

- Больно? - вкрадчиво спросил он, не ослабляя нажима.

- Т-терпимо… - просипела я в подушку, вцепляясь пальцами в кожу мата.

- Врешь. Тебе адски больно, но ты терпишь, потому что привыкла быть «хорошей терпеливой девочкой», - в его

голосе проскользнула ирония, смешанная с жестким одобрением. - «Я сильная, я выдержу, я не доставлю никому неудобств». Выдыхай эту дурь, Аня. Не копи напряжение. Звучи, когда больно.

Его сильные, натренированные пальцы начали медленно, с миллиметровой точностью вкручиваться в каменные мышечные узлы под моими лопатками. Боль была злой, тягучей, но следом за ней, как лесной ручей после взрыва плотины, накатывала ошеломляющая, горячая легкость. Плечи, которые я годами неосознанно тянула вверх, начали медленно, плавно опускаться.

Масло скользило по спине, разогревая кожу до состояния пылающей жаровни.

Движения Влада стали более длинными, тягучими. Он вел ладонями от лопаток вниз, вдоль позвоночника, собирая фасциальные спазмы, пока его руки не достигли поясницы.

Большие пальцы тренера с тяжелым, властным нажимом опустились на ямочки Венеры над крестцом.

Меня словно прошило током. В самом низу живота, в глубине таза, сладко и пугающе заныло. Мое тело, пять лет существовавшее в режиме анабиоза под механические скрипы Игоря, вдруг отозвалось такой яростной, требовательной вспышкой тепла, что я запаниковала.

- Так, а теперь снимем блок с пояснично-подвздошной связки, - невозмутимо произнес Влад.

Его ладони скользнули на внешнюю сторону моих бедер,

пальцы зацепили эластичный край моих хлопковых шорт и без тени колебаний сдвинули ткань вверх, полностью обнажая ноги и нижнюю линию ягодиц.

- Подождите… - я дернулась, попытавшись свести ноги вместе, но сильные руки тренера мягко, железной хваткой зафиксировали мои колени, разводя их еще шире.

- Лежать, Аня. Не закрывайся, - его голос стал на полтона ниже, в нем зазвучали густые, гипнотические обертоны. - Твое тело отрезано от твоей чувственности. Ты загнала свою сексуальность в дальний угол чулана, завалила ее пачками отчетов и боишься даже взглянуть в ту сторону. Доверься мне. Я не твой бывший муж и не твой босс. Я просто возвращаю тебе тебя.

Его обжигающая ладонь легла на внутреннюю поверхность моего правого бедра.

Кожа горела. Воздух в легких мгновенно закончился.

Влад повел рукой вверх - медленно, с круговым нажимом, разминая тонкие, нежные связки, о существовании которых я даже не подозревала. Каждый сантиметр его движения отдавал в виски раскаленным пульсом.

Когда его ладонь поднялась к самой паховой складке, едва не задевая ткань белья, и большой палец с легкой вибрацией нажал на триггерную точку, я судорожно выгнула поясницу, из горла вырвался рваный, влажный стон, а пальцы до белизны впились в край мата.

- Вот так, - прошептал Влад прямо над моим ухом. Его го-

рячее дыхание обожгло кожу шеи. - Слышишь? Ты живая. В тебе океан нерастраченной страсти, жажды и огня. Твой йог был слепым евнухом, раз не сумел увидеть, какое сокровище было у него в руках. Но мы заставим этот вулкан работать на полную мощность.

Он повторил движение на левой ноге - глубже, увереннее, нажимая на зажатые рецепторы, выбивая из меня остатки пятилетнего стыда.

По моим щекам потекли слезы - странные, очищающие слезы освобождения. Словно многолетний ледяной панцирь, сковывавший мои бедра, дыхание и грудь, наконец дал глубокую трещину и с грохотом осыпался на темный пол студии.

Влад разминал мои ягодицы, снимал зажимы с тазовых костей, оглаживал спину, возвращая мышцам их природную, дикую эластичность. Каждое его прикосновение балансировало на тончайшей грани между жесткой остеопатией и изысканной чувственной пыткой, но в нем не было грязи - только чистая, концентрированная мощь возрождения.

Когда он наконец убрал руки и бережно укрыл мою пылающую, влажную спину мягким махровым полотенцем, я лежала на мате совершенно размякшая, опустошенная и одновременно звенящая от невиданной доселе внутренней силы.

- Поднимайся, феникс, - раздался насмешливый голос Влада.

Он уже стоял у зеркала, вытирая руки бумажным полотенцем. На его мускулистом торсе не было ни капли усталости

- он выглядел как скульптор, довольный первым черновым срезом глыбы мрамора.

Я оперлась на локти. Руки и ноги слегка подрагивали, но это была не слабость страха - это была сладкая дрожь проснувшихся мышц. В голове стояла непривычная, звенящая тишина: бесконечный монолог сомнений и вины наконец-то заткнулся.

Пошатываясь, я подошла к зеркалу.

И замерла.

На меня смотрела незнакомка. Щеки пылали ярким, здоровым румянцем, губы припухли и потемнели, словно от долгих поцелуев, а в темных зрачках больше не было заискивающей робости - там плясали опасные, золотистые искры. Спина выпрямилась сама собой, плечи опустились, раскрывая длинную лебединую шею и высокую грудь.

- Неплохо для первого акта, - Влад встал за моей спиной, положив тяжелые ладони мне на плечи и глядя на наше отражение в зеркале. - Но это лишь черновая разблокировка механики. Ты пока боишься собственного звука. Ты прячешь дыхание, когда накатывает волна.

Он наклонился к моему уху:

- Завтра в это же время, Аня. Урок номер два: голос, диафрагма и право звучать. Мы снимем кляп, который ты добровольно носила всю жизнь.

- А как же мой проект? - мой голос прозвучал непривычно низко, с бархатистой хрипотцой.

- Твой проект никуда не денется, - усмехнулся Влад, легко шлепнув меня по бедру. - А вот твой босс сегодня сильно удивится, когда увидит, что картофельный мешок внезапно превратился в породистую хищницу. Иди. И помни: ты больше никому не обязана быть удобной.

Я накинула пальто прямо на спортивный топ, обула туфли и вышла на улицу.

Осенний холодный воздух приятно освежил разгоряченное лицо. Я шла к метро, чувствуя, как бедра двигаются плавно, свободно, от самого центра, а мир вокруг расступается перед моим шагом.

Первый рубеж был взят. Впереди был рабочий день, и на этот раз я не собиралась опускать глаз перед Ильей Северским.

Глава 4

Глава 4. Голос, дыхание и право звучать

Стыд - это самая плотная звукоизоляция в мире.

Он не просто затыкает рот, он бетонирует трахею, скручивает диафрагму в тугой морской узел и оставляет женщине птичий диапазон из трех безопасных ин

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.